

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЭРНЕСТА СОЗЫ И ДРУГИЕ ТЕОРИИ ЗНАНИЯ

И. Е. ПРИСЬ¹⁾

¹⁾ Университет Дортмунда, ул. Унверхоффт, 23, 44263, г. Дортмунд, Германия

Перечислены основные положения эпистемологии когнитивных способностей/качеств американского философа Э. Созы. Приводится ее сравнение с другими подходами, указываются сильные и слабые места. Акцент делается на понимании природы и ценности знания. Отмечено, что подход Э. Созы страдает от недостатка философии языка и избытка метафизики, требующих витгенштейновской «терапии». Доказано, что сначала-знание-эпистемология Т. Уильямсона является более глубоким и удовлетворительным подходом, допускающим витгенштейновскую интерпретацию и позволяющим выработать единый взгляд на подходы Э. Созы, Д. Притчарда, С. Голдберга и других философов.

Ключевые слова: знание; природа знания; ценность знания; эпистемические способности/качества; подходящее мнение; безопасное мнение; животное знание; рефлексивное знание; полное знание; эпистемическое достижение.

ERNEST SOSA'S EPISTEMOLOGY AND OTHER THEORIES OF KNOWLEDGE

F.-I. E. PRIS^a

^a University of Dortmund, Unverhofft street, 23, 44263, Dortmund, Germany

We present the main traits of E. Sosa's virtue (ability) epistemology, compare it with other approaches and highlight its strong and weak points. We focus on the problems of understanding of the nature and value of knowledge. In our view, Sosa's approach suffers from a lack of the philosophy of language and an excess of metaphysics, which requires a Wittgensteinian «therapy». In this sense, T. Williamson's «knowledge-first» epistemology is a more satisfactory and deep approach. Besides, we think, it allows for a Wittgensteinian interpretation and also the elaboration of a unified treatment of the approaches of E. Sosa, D. Pritchard, S. Goldberg and others.

Key words: knowledge; nature of knowledge; value of knowledge; epistemic abilities/virtues; apt belief; safe belief; animal knowledge; reflective knowledge; full knowledge; epistemic achievement.

Если субъект S знает, что p , то естественно предположить, что это знание приобретено в результате применения им своих когнитивных способностей или когнитивных интеллектуальных качеств. В дальнейшем для краткости мы будем говорить просто об эпистемологии когнитивных способностей.

Когнитивная способность в некоторой области – это способность отличать в ней истинные утверждения от ложных. Например, перцептивная способность считается в эпистемологии когнитивной.

Наличие знания предполагает наличие истинного мнения (но не наоборот). Применение когнитивных способностей для приобретения истинного мнения и соответствующего знания означает, что истинное

Образец цитирования:

Прись И. Е. Эпистемология Эрнеста Созы и другие теории знания // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 36–44.

For citation:

Pris F.-I. E. Ernest Sosa's epistemology and other theories of knowledge. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 36–44 (in Russ.).

Автор:

Игорь Евгеньевич Прись – кандидат философских наук; ассоциированный научный сотрудник.

Author:

François-Igor Pris, PhD (philosophy); associate researcher. frigpr@gmail.com

мнение не является случайным. То есть в известной мере условие применения когнитивных способностей предполагает отсутствие эпистемического везения, формально выражаемого в виде так называемого условия безопасности истинного мнения, выполнение которого необходимо для наличия знания.

Истинное мнение субъекта S , что p , безопасно тогда и только тогда, когда оно не могло бы с легкостью быть ложным. Иными словами, в ближайших возможных мирах мнение субъекта S является истинным.

Между тем саму интуицию об отсутствии эпистемического везения (или условие безопасности) можно взять в качестве отправного пункта, поскольку знание есть истинное мнение, которое приобретает не случайным образом (не является случайным). Эта интуиция предполагает интуицию о применении когнитивных способностей, поскольку последняя позволяет объяснить неслучайность истинного мнения.

Таким образом, две указанные интуиции тесно связаны между собой. Это делает возможным существование различных подходов к знанию – в зависимости от того, в какой мере и каким образом предпочтение отдается той или иной интуиции.

В рамках эпистемологии американского философа Эрнеста Созы [1–8] интуиция о когнитивных способностях является доминирующей. В первом приближении определение знания имеет следующий вид: субъект S знает, что p , если его истинное мнение, что p , является прямым причинным результатом применения им своих подходящих и надежных когнитивных способностей. Это жесткая эпистемология когнитивных/эпистемических способностей, или эпистемология «знания как достижения». Основные ее компоненты, по мнению Э. Созы, присутствуют у Декарта.

В то же время, например, антислучайная эпистемология способностей Д. Притчарда [9–11] комбинирует обе интуиции, а также принимает во внимание связь между ними.

Для Д. Притчарда субъект S знает, что p , тогда и только тогда, когда истинное мнение S , что p , безопасно, является результатом применения субъектом его когнитивных способностей, что позволяет в значительной мере объяснить его безопасный когнитивный успех.

Данное определение в отличие от того, которое дает Э. Соза, не требует определяющей причинной связи между применением когнитивных способностей и когнитивным успехом, но подразумевает выполнение условия безопасности.

Можно согласиться с Д. Притчардом, С. Голдбергом [12] и другими философами в том, что подходы к знанию, основанные на доминировании одной из двух вышеуказанных интуиций, – чистая эпистемология когнитивных способностей и чистая эпистемология безопасного истинного мнения (в более утонченном варианте предполагается также, что сам метод получения безопасного истинного мнения является безопасным [13]), – опровергаются контрпримерами, приведенными ниже.

Тем не менее в своей новой работе Э. Соза совершенствует эпистемологию способностей, отвечает на возражения и по-прежнему считает свой подход правильным [8].

С точки зрения Дж. Греко [14], также сторонника эпистемологии способностей, этот подход более элегантен, чем другие, в частности подход Д. Притчарда¹, требующий введения двух условий: безопасности и применения когнитивных способностей, – и позволяет дать ответ на вопрос как о природе знания, так и о его ценности.

Заметим, что возражения Дж. Греко [14] и Э. Созы [8] против эпистемологии Д. Притчарда (которой мы симпатизируем, хотя в то же время более фундаментальным подходом считаем сначала-знание-эпистемологию британского философа Т. Уильямсона) не являются решающими.

В настоящей статье, однако, мы ограничимся анализом подхода к знанию Э. Созы. Раскрыв основные положения его эпистемологии способностей, попытаемся сравнить ее с другими подходами и укажем на сильные и слабые стороны. Особое внимание уделим вопросам природы и ценности знания.

Знание Э. Созы определяет как подходящее (англ. *apt*) мнение [4; 5; 8]. Подходящесть мнения означает выполнение трех условий (подразумевает удовлетворение трем нормам – AAA):

- 1) мнение истинно;
- 2) истинное мнение является результатом применения субъектом своих когнитивных способностей (субъект действует компетентным образом);
- 3) когнитивные способности субъекта (его компетенция) проявляются в его когнитивном успехе.

Последнее условие предполагает наличие естественной связи между двумя первыми: субъект достигает когнитивного успеха по причине (речь идет именно о причинной связи) применения им своих подходящих и достаточно надежных когнитивных способностей, которые вследствие этого проявляются в когнитивном успехе. То есть истинность мнения ни в коей мере не является случайной – она скорее закономерна. Условие подходящеости исключает возможность девиантной причинной связи.

¹Дж. Греко полагает, на наш взгляд несправедливо, что подход Д. Притчарда является подходом *ad hoc*.

Таким образом, для Э. Созы формула знания имеет следующий *AAA*-вид:

знание = успех (*accuracy*) + компетенция (*adroitness*) + подходящесть (*aptness*) (предполагающая успех и компетенцию).

Как показал Э. Гетье [15], истинное обоснованное мнение необязательно является знанием. (При этом предполагается традиционное понятие обоснования, допускающее обоснованные ложные мнения.)

Истинное мнение, полученное в результате применения когнитивных способностей и, следовательно, представляющее собой обоснованное истинное мнение, не является знанием, если оно (его истинность) случайно.

Так, в известном примере [16] фермер при благоприятных условиях формирует истинное обоснованное мнение о том, что в поле находится овца, тогда как на самом деле он видит перед собой овцеподобную собаку, за которой, однако, действительно случайным образом оказалась овца.

В данной ситуации когнитивная (зрительная) способность фермера не проявляется в его случайном когнитивном успехе, который достигается не по причине ее применения фермером. Поэтому с точки зрения эпистемологии когнитивных способностей фермер не знает, что в поле находится овца.

Наличие у субъекта некоторой способности/компетенции, в частности делать корректное суждение, означает, что он достаточно надежным образом (в большинстве случаев) приходит к соответствующему успеху, если стремится к этому.

Для Э. Созы проявляющая себя в успехе полная способность/компетенция имеет следующую (полную) *SSS*-структуру¹. Навык (*skill*) – это способность, абстрагированная от своих применений, или наиболее внутренняя составляющая полной способности. Иными словами, в ограниченном, чисто внутреннем виде способность присутствует и тогда, когда она не используется (*S*). В более полном виде («навык + форма») она присутствует тогда, когда оказывается настроенной на применение – возможно, в определенном виде ситуаций (*SS*). И наконец, она проявляет себя полностью в конкретной ситуации (*SSS*).

Например, способность вести автомобиль сохраняется и во время сна, но она имеет лишь первую, чисто внутреннюю составляющую – *S*. В более полном *SS*-виде эта способность присутствует у субъекта в состоянии бодрствования и его готовности вести автомобиль. Наконец, полная способность (*SSS*) – это способность вести автомобиль в той или иной ситуации. Она проявляется в акте управления автомобилем.

Аналогичным образом для Э. Созы диспозиции имеют *SeShSi*-структуру² [8, р. 27]. В частности, диспозиция субъекта делать корректное суждение имеет *SeShSi*-базис.

Понимание знания как подходящего мнения выявляет природу знания и предполагает, что концепт знания вторичен по отношению к концепту мнения. В известном смысле Э. Соза предлагает анализ (природы и концепта) знания: знание есть истинное мнение плюс условие подходящесть. Этот анализ, однако, существенно отличается от большинства других, появившихся после Гетье и предлагающих необходимые и достаточные условия для знания в следующем виде: знание есть истинное (или истинное и обоснованное) мнение, удовлетворяющее некоторому дополнительному условию, не употребляющему концепт знания.

Таким образом, для Э. Созы, как и для Т. Уильямсона [17–24], знание (концепт и природа) не может быть проанализировано некруговым образом в виде необходимых и достаточных условий. Анализ знания, предлагаемый обоими философами, является не семантическим, а метафизическим, причем у Э. Созы (но не у Т. Уильямсона) это анализ в терминах явлений более фундаментальных, чем знание, т. е. анализ конститутивный. Знание для них не представляет собой конъюнкцию независимых составляющих. У Э. Созы анализ знания причинный. Благодаря этому между составляющими понятия «знание» устанавливается логически или метафизически необходимая связь.

В отличие от подхода Э. Созы сначала-знание-эпистемология Т. Уильямсона [17–24] (которая, с нашей точки зрения, имеет наибольшие шансы на успех) в качестве первичного понятия принимает понятие знания.

Несмотря на то что Т. Уильямсон критиковал витгенштейнизм (см., например, его дискуссию с Полом Хорвиком [25])³, его философский подход, на наш взгляд, в значительной мере является расширением витгенштейновского по духу подхода в область аналитической эпистемологии и метафизики. (Отметим, что французский философ Ж. Бенуа [26–29], если мы его правильно понимаем, расширяет витгенштейновский подход в область феноменологии и философии сознания и полагает, что его можно расширить и в область метафизики.)

¹Skill/Shape/Situation (навык/форма/ситуация).

²Seat/Shape/Situation (место (внутренний базис)/форма/ситуация).

³На самом деле, как нам представляется, Т. Уильямсон критикует псевдо-Витгенштейна, а не самого Л. Витгенштейна.

Как было сказано выше, Т. Уильямсон не отвергает анализ знания как таковой. Напротив, он предлагает следующий несемантический (нередукционный, но не концептуальный нередукционный) анализ природы знания [17]: знание, что p , является наиболее общим фактивным ментальным состоянием (пропозициональной установкой).

Иными словами, знание – это такая пропозициональная установка, которую имеют в отношении предложения p , если в отношении него вообще существует какая-либо фактивная пропозициональная установка, являющаяся ментальным состоянием (англ. *stative*) [17, р. 34]. Фактивность установки означает, что для любого предложения p , если мы имеем по отношению к p эту установку, то с необходимостью p истинно.

В своих работах [17; 19, р. 285–292] Т. Уильямсон утверждает, что знание однозначно (с точностью до логической эквивалентности [17, р. 39]) определяется в соответствии с тремя следующими правилами.

(а) Пусть Φ есть *FMSO* – оператор фактивного ментального состояния (*factive mental state operator*). Тогда из « $S \Phi s$, что p », можно вывести p .

(б) «Знаю» есть *FMSO*.

(с) Для любого *FMSO*, если Φ есть *FMSO*, то из « $S \Phi s$, что p », можно вывести «знаю, что p ».

Правило (а) относится к определению *FMSO*, а правила (б–с) – к собственно теоретическому определению понятия знания.

Оператор *FMSO* фактивен, относится к ментальному состоянию, пропозиционален, семантически не анализируем [17, р. 35–36].

Приведенное определение знания не является, таким образом, семантически редукционным. Оно также не прибегает к понятиям обоснования, причинной связи и надежности. В то же время, как отмечает Т. Уильямсон, знание очень чувствительно к указанным факторам, и это должно быть объяснено.

Британский философ устанавливает аналогию между знанием и действием. В частности, когнитивному успеху соответствует практический успех, мнению – попытка (или намерение) совершить действие, а знанию – интенциональное успешное действие. Истинное мнение, которое не является знанием, возникает в результате нарушений в когнитивном процессе приобретения знания. Аналогичным образом практический успех может быть достигнут в результате неинтенционального действия или же действия с нарушенной интенциональностью.

Как и Т. Уильямсон, Э. Соза сравнивает знание с действием. Более того, для него знание (и суждение) есть вид действия. Полная аналогия Э. Созы имеет следующий вид [8, р. 129].

Теория действия (нормативных перформансов): попытка, успешная попытка, компетентная попытка, компетентная и успешная попытка, подходящая попытка, рефлексивно подходящая попытка, полностью подходящая попытка.

Эпистемология: (алетическое) утверждение/мнение, успешное утверждение/мнение, компетентное утверждение/мнение, компетентное и успешное утверждение/мнение, подходящее утверждение/мнение (= животное знание), рефлексивно подходящее утверждение/мнение (рефлексивное знание), полностью подходящее утверждение/мнение = (подходящее) суждение (= полное знание).

Например, если в результате компетентного выстрела лучника стрела попадает в цель и это попадание обязано его компетенции (допустим, исключается возможность, что ветер сначала отклонил стрелу от ее успешной траектории, а потом вернул на нее, – в этом случае в игру вмешалось бы везение, т. е. компетенция лучника не проявилась бы в достигнутом успехе), то выстрел является подходящим, что в эпистемологии соответствует подходящему мнению. Подходящее (лишь в первом порядке) мнение может быть выражено в виде утверждения, но не суждения.

Охотник, обладающий высоким уровнем компетентности, может осознанно направлять свою компетентность первого порядка, т. е. компетентность для непосредственного достижения поставленной цели. Например, он может минимизировать риск, выбирая цель наилучшим образом. Такого рода выстрелы будут успешными в более полной мере.

Аналогичным образом Э. Соза вводит понятие полного знания (см. список «Эпистемология» выше) – знания, которое удовлетворяет условиям подходящести как первого (т. е. животное знание необходимо для полного знания), так и второго порядка, или знания, в котором сама подходящестя является подходящей. Иными словами, полное знание – это в известном смысле гарантированный когнитивный успех.

Заметим, что введение подходящести второго порядка логически влечет за собой введение подходящести высших порядков. По мнению Э. Созы, возникающий регресс не является плохим. Последовательность остаточных подходящестей высших порядков является быстроубывающей, так что на практике подходящести второго порядка достаточно для полной подходящести [8, р. 86].

Для американского философа когнитивный перформанс есть частный случай перформанса *tout court*. «Подходящестя эпистемического утверждения первого порядка достигается через управление,

осуществляемое подходящим восприятием второго порядка, что такое утверждение было бы подходящим. Этот случай полностью подходящего перформанса как раз и есть случай полного знания»¹ [8, p. 86].

Полное знание является (подходящим образом) рефлексивным. Однако не всякое рефлексивное знание является полностью подходящим (полным). (Понятие полного знания Э. Созы позволяет сделать введенное им ранее различие между животным и рефлексивным знанием [4–5] более глубоким.)

Аналогия: выстрел охотника может быть осознанно (рефлексивно) рискованным. Такой выстрел является рефлексивным, но не является полностью подходящим. Просто подходящее знание, т. е. лишнее подходящести второго порядка, а также рефлексивности, – это животное знание.

Помимо прочего, Э. Соза говорит о «знаниях», которые, быть может, не являются собственно знаниями (даже животными, а не только полными). Так, подходящее предположение (*apt guess*) – это пример «знания». То есть имеется своего рода семейство понятий знания. Причем здесь возникает вопрос о том, относятся ли эти «знания» к одному и тому же понятию (в этом случае между ними имелось бы витгенштейновское семейное сходство) или же речь идет о различных понятиях. Данный вопрос, требующий для своего решения применения философии языка, Э. Соза не рассматривает.

Хотя первичным понятием у Э. Созы является понятие когнитивной способности, условие безопасности возникает в рамках его эпистемологии как следствие. В частности, животное знание безопасно, но не в смысле рефлексивной безопасности, а в смысле животной безопасности первого порядка. (Полное знание безопасно как в первом, так и во втором порядке.)

По этой причине случаи Гетье возможны и на животном уровне. Если нарушается условие безопасности первого порядка, мы имеем дело со случаем Гетье. В то же время выполнение условия безопасности первого порядка не гарантирует наличия животного знания. Необходимо удовлетворение условия подходящести истинного мнения, подразумевающего применение когнитивных способностей. Аналогичным образом, например, успех в поиске золотого предмета в темной комнате, где все предметы золотые, достигается безопасным образом, но не благодаря применению субъектом своих когнитивных способностей.

Полное знание, являющееся полностью подходящим мнением, удовлетворяет AAA-нормативности как первого, так и второго порядка. Проявляющаяся в нем когнитивная компетенция имеет SSS-структуру как первого, так и второго порядка. Иными словами, в случае полного знания SSS-структура проявляется в самой подходящести (SSS-структура первого порядка обнаруживается в успехе; это равносильно подходящести первого порядка)².

Для Э. Созы полное знание, в отличие от животного знания, выражается в виде суждения. И наоборот, с суждением ассоциируется полное знание [8, p. 113]. Полное знание есть знание-суждение. Оно является интенциональным эпистемическим действием (цель достигается интенционально), тогда как животное знание не интенционально, а функционально.

Американский философ вводит понятие достаточно хорошего знания, т. е. знания, пригодного для действия. В случае если ставки высоки, знание должно иметь высокую степень достоверности, чтобы, исходя из него, можно было действовать. Например, мы можем знать, что лед крепок, и тем не менее побояться ступить на него, если наше знание не является достаточно достоверным.

Суждение Э. Соза понимает как подходящее интенциональное действие, или полностью подходящее (*fully apt*) утверждение (просто подходящее (*apt*) утверждение еще не суждение). Философ признает, что мы имеем знание, выражаемое условно-сослагательными предложениями, и считает, что это знание направляет достижение подходящести мнения.

Кроме того, Э. Соза вводит различие между суждениями первого и второго порядка. Суждение первого порядка, однако, относится не к животному, а к полному знанию (животное знание вообще не может быть выражено в виде суждения, хотя может быть сформулировано в виде утверждения). Суждение второго порядка есть рефлексивное принятие суждения первого порядка.

Критикуя жесткую эпистемологию когнитивных способностей, Д. Притчард считает, что в одних случаях она является слишком сильной, а в других – слишком слабой.

В известном случае Гетье, обусловленном особенностями окружающей среды, Барни находится в районе фальшивых (фасадов) амбаров и случайно смотрит на один-единственный в этом районе настоящий амбар [30]. Барни не знает, что перед ним (он видит) амбар, хотя и формирует истинное обоснованное мнение, что перед ним амбар. Дело в том, что Барни с легкостью мог бы ошибиться. То есть условие безопасности его истинного мнения не удовлетворяется.

Тем не менее его истинное мнение возникает по причине применения им когнитивных (зрительных) способностей. С точки зрения Д. Притчарда, эти способности проявляются в когнитивном успехе.

¹Здесь и далее перевод наш. – И. П.

²Компетенция второго порядка, или метакомпетенция, и компетенция первого порядка независимы друг от друга. Перформанс (в частности, когнитивный) может быть метаподходящим, но не подходящим.

Философ делает вывод, что в этом случае эпистемология когнитивных способностей является слишком слабой, поскольку не позволяет объяснить отсутствие у Барни знания.

Впрочем, Э. Соза [8] отвечает на это возражение. По его мнению, у Барни есть безопасное животное знание (это, заметим, согласуется со сделанным Д. Притчардом выводом [31], что «знание-как», в отличие от «знания-что», менее чувствительно к эпистемическому везению, связанному с окружающей средой), но нет полного (и, значит, рефлексивного) знания. Барни не сможет сформировать суждение, что перед ним настоящий амбар. Соответствующее псевдосуждение, или просто утверждение, не будет удовлетворять условию безопасности второго порядка.

Напротив, в случае знания, полученного от свидетеля, эпистемология когнитивных способностей, считает Д. Притчард, является слишком сильной. Например, когда спрашивают улицу в незнакомом городе, не применяют непосредственно когнитивные (например, перцептивные) способности. Приобретение знания в этом случае в большой степени основано на доверии. Философ заключает, что условие наличия доминирующей причинной связи не является необходимым. Однако Э. Соза вводит понятие индивидуально-групповой когнитивной способности [8], которая, на его взгляд, и применяется в данном случае. То есть для него и здесь знание возникает по причине применения когнитивных способностей.

В свою очередь, Э. Соза критикует подход Д. Притчарда, в частности применение им модального условия, полагая, что наличие одного-единственного ближайшего возможного мира, в котором мнение субъекта оказывается ложным, не делает это мнение небезопасным. Например, по мнению философа, в случае лотереи с маленькой вероятностью выигрыша можно сказать: субъект знает, что он не выигрывает.

Для Э. Созы в случае лотереи нарушается условие восприимчивости (*sensitivity*) к ложности мнения, но не условие безопасности. Аналогичным образом можно знать, что автомобиль, который стоит за домом, не угнан, хотя условие восприимчивости к ложности мнения нарушается: если бы он был угнан, мнение, что он на прежнем месте, могло бы сохраниться. Это может породить иллюзию, будто мы не знаем, что автомобиль на месте. Справедливый, на наш взгляд, ответ Д. Притчарда состоит в том, что в подобных случаях возможный мир, в котором мнение ложно, не является ближайшим, хотя он и может быть более вероятным.

Точно так же Э. Соза решает и проблему скептицизма. С его точки зрения, скептик делает неправильный вывод о том, что мы не знаем, будто внешний мир существует, исходя из того, что мы (по определению) невосприимчивы к скептическому сценарию: если бы мы были «мозгом-в-пробирке», то продолжали бы верить, будто внешний мир существует. Но на самом деле для наличия знания достаточно выполнения лишь условия безопасности, означающего, что в достаточно большом количестве возможных миров мнение истинно. Поскольку скептический сценарий является исключительным, мы знаем, что мы не «мозг-в-пробирке» [2; 8].

Эпистемология Э. Созы, таким образом, оказывается довольно гибкой, быть может, даже излишне, чтобы дать ответ на приведенные возражения. Это достигается, в частности, путем введения новых понятий, которые, на наш взгляд, не всегда хорошо определены, и их комбинаций. На самом деле такого рода гибкость присуща и некоторым другим эпистемологическим подходам. И это не всегда, по нашему мнению, является достоинством. Излишняя гибкость говорит о том, что эти подходы не являются фундаментальными. Сначала-знание-эпистемология представляется нам более удовлетворительным и фундаментальным подходом.

Как было сказано выше, Э. Соза устанавливает тесную аналогию между знанием, суждением и действием. Знание для него есть подходящее (эпистемическое) действие, или эпистемический перформанс. Подходящесть, т. е. успех, в котором проявляется способность/компетенция, – норма для перформанса. В частности, подходящесть является нормой для мнения. Знание есть подходящее мнение. Следовательно, знание есть норма для мнения и для суждения [8, p. 171].

Для Т. Уильямсона также знание есть норма для мнения. В отличие от британского философа Э. Созы, однако, понимает эту нормативность как телеологическую. Знание (истина и подходящесть) является целью для мнения. У Т. Уильямсона норма знания конститутивно нормативна, подобно правилам игры в шахматы.

Понимание природы знания как когнитивного перформанса, удовлетворяющего нормативному условию подходящеости, в то же время позволяет понять его ценность. Для Э. Созы знание имеет телеологическую ценность, т. е. оно ценно само по себе, подобно ценности произведения искусства. Его ценность в том, что оно является совершенным (подходящим) когнитивным перформансом, т. е. перформансом, удовлетворяющим норме подходящеости. Совершенный перформанс лучше, чем несовершенный. Другими словами, ценность знания в том, что оно является особым (эпистемическим) достижением.

Такой вывод нам кажется предпочтительнее, чем вывод Д. Притчарда о том, что знание не имеет какой-то специфической ценности. В частности, философ указывает на то, что не всякое пропозициональное знание является эпистемическим достижением (в то же время в одной из своих работ [32] он аргументирует, что всякое «знание-как» является эпистемическим достижением). Для Д. Притчарда понимание (а не знание) имеет особую ценность. Понимание, что *p*, возможно в отсутствие знания, что *p*, и наоборот.

Наша точка зрения ближе к суждению Т. Уильямсона о том, что ценность знания заключается в его особой стабильности. Это мнение близко к позиции Сократа в платоновском «Меноне». Сократ сравнивает знание с привязанными статуями Дедала: будучи привязанными, они не могут убежать. Иными словами, тот, кто знает дорогу к Ларисе, не может с легкостью потерять свое мнение. Поэтому знание того, как идти к Ларисе, имеет большую ценность, чем просто истинное мнение.

Особая ценность знания объясняется тем, что оно есть наиболее общая фактивная пропозициональная установка. Как сказал Т. Уильямсон: «Оно важно для нас, поскольку для нас важны фактивные статические установки» [17, р. 34].

Будучи стабильнее, чем просто истинное мнение, знание имеет большую практическую ценность для осуществления наших планов и действий, протяженных во времени. Причем Т. Уильямсон добавляет к этому ценность рационального элемента знания: «При прочих равных условиях, принимая во внимание рациональную восприимчивость к новой очевидности, настоящее знание делает будущее истинное мнение более вероятным, чем это делает настоящее просто истинное мнение» [17, р. 101].

Британский философ Д. Притчард полагает, что, вводя рациональную восприимчивость к новой очевидности, Т. Уильямсон делает шаг вперед по сравнению с Платоном [33].

По мнению С. Голдберга, ценность знания в том, что при его наличии когнитивный успех может быть адекватно объяснен исходя из «эпистемически допустимых предложений» (*epistemic entitlements*). (Эпистемически допустимое предложение – предложение, которое в процессе формирования субъектом мнения при помощи метода *M* в обстоятельствах *S* или соответствующего обдумывания, в эпистемическом смысле не является недопустимым, т. е. субъекту разрешается его предполагать [12; 34; 35].) С нашей точки зрения, это своего рода логическая реконструкция условия привязанности знания к факту/истине.

Как было упомянуто выше, объяснительное условие вводит и Д. Притчард в рамках своей антислучайной эпистемологии способностей. Он требует, чтобы когнитивные способности вносили существенный вклад в объяснение безопасного когнитивного успеха. Это позволяет установить связь между подходами Д. Притчарда и С. Голдберга.

Наконец, следует отметить, что эпистемология Э. Созы имеет прагматическое измерение. Обоснованность истинного мнения или надежность применяемых когнитивных способностей зависит от контекста (практических целей). При этом знание может быть более или менее достоверным. Например, для умеренного скептика в обыденном контексте мы знаем, что внешний мир существует, а в скептическом контексте – нет. Можно также различать знание обыденное и экспертное, которое требует большей достоверности.

Хотя позиция эпистемического контекстуализма имеет свои недостатки, принятие во внимание прагматики при анализе знания является принципиально важным.

На наш взгляд, знание может быть понято как прагматическое закрытие провала между эксплицитным или имплицитным обоснованием (обоснованного истинного мнения), играющим роль витгенштейновского правила, и фактом/истиной, причем это соответствует определению знания, данному Т. Уильямсоном, как наиболее общего фактивного ментального состояния. То есть проблема знания – это витгенштейновская проблема следования эпистемическому правилу. Эпистемология требует для решения своих проблем привлечения философии языка и философии сознания. В случае когда провал между правилом и его применением закрыт и только в этом случае имеется объяснение когнитивного успеха в том смысле, в каком понимал его С. Голдберг. Случаи Гетье – это случаи наличия провала в имплицитном обосновании (в терминах С. Голдберга – в предполагаемых эпистемически допустимых предложениях; в терминах Э. Созы когнитивная компетенция в случаях Гетье не проявляется в когнитивном успехе). Подход Д. Притчарда можно рассматривать как относящийся к реконструкции знания в терминах когнитивных способностей и безопасности истинного мнения, т. е. к реконструкции более высокого уровня, чем реконструкция С. Голдберга. Наиболее фундаментальным подходом является подход Т. Уильямсона. По нашему мнению, он может быть понят в витгенштейновских терминах. Что касается подхода Э. Созы, то в известном смысле он развивает его в рамках метафизически перевернутой сначала-знание-парадигмы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Sosa E. Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. Cambridge, 1991.
2. Sosa E. How to Defeat Opposition to Moore // *Philos. Perspect.* 1999. № 13. P. 141–154.
3. Sosa E. Skepticism and Contextualism // *Philos. Issues.* 2000. № 10. P. 1–18.
4. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2007.
5. Sosa E. Reflective Knowledge: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2009.
6. Sosa E. Knowing Full Well. Princeton, 2011.
7. Ernest Sosa on epistemology. The nature and value of knowledge [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/watch?v=PpE6boDDekU (date of access: 22.01.2016).
8. Sosa E. Judgment and Agency. Oxford, 2015.
9. Pritchard D. Knowledge. Basingstoke, 2009.
10. Pritchard D. Anti-Luck Virtue Epistemology // *J. Philos.* 2012. Vol. 109, № 3. P. 247–279.
11. Pritchard D. Knowledge. Hampshire, 2016.
12. Goldberg S. Epistemic Entitlement and Luck // *Philos. Phenomenol. Res.* 2015. Vol. XCI, № 2. P. 273–302.
13. Pritchard D. Epistemic Luck. Oxford, 2005.
14. Greco J. The Value Problem // *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
15. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis.* 1963. Vol. 23, № 6. P. 121–123.
16. Chisholm R. Theory of Knowledge. Englewood Cliffs, 1989.
17. Williamson T. Knowledge and its Limits. Oxford, 2000.
18. Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Oxford, 2007.
19. Greenough P., Pritchard D. Williamson on Knowledge. Oxford, 2009.
20. Williamson T. Knowledge first epistemology // *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
21. Williamson T. Knowledge First // *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 1–10.
22. Williamson T. Knowledge Still First // *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 22–24.
23. Williamson T. A Note on Gettier Cases in Epistemic Logic // *Philos. Stud.* 2015. Vol. 172. P. 129–140.
24. Williamson T. Acting on Knowledge // *Knowledge-First.* Oxford, 2015.
25. Williamson T., Horwich P. The plausibility of Wittgenstein's metaphilosophy [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/watch?v=IpOmFTRcwUM (date of access: 22.01.2016).
26. Benoist J. Concepts. Paris, 2010.
27. Benoist J. Éléments de philosophie réaliste. Paris, 2011.
28. Benoist J. Le bruit du sensible. Cerf, 2013.
29. Прусь И. Е. О новом философском методе и новой реалистической философии Жослина Бенуаста // *Филос. и соц. науки.* 2014. № 1. С. 32–36.
30. Goldman A. Discrimination and Perceptual Knowledge // *J. Philos.* 1976. Vol. 73, № 20. P. 771–791.
31. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Luck // *Noûs.* № 49 (3). P. 440–453. Forthcoming.
32. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Value // *Australas. J. Philos.* Forthcoming.
33. Pritchard D., Turri J. The Value of Knowledge // *Stanford Encyclopaedia Philos.* 2014 [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/> (date of access: 22.01.2016).
34. Burge T. Perceptual Entitlement // *Philos. Phenomenol. Res.* 2003. Vol. LXVII, № 3. P. 503–548.
35. Casullo A. What is Entitlement? // *Acta Anal.* 2007. Vol. 22, № 4. P. 267–279.

REFERENCES

1. Sosa E. Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. Cambridge, 1991.
2. Sosa E. How to Defeat Opposition to Moore. *Philos. Perspect.* 1999. No. 13. P. 141–154.
3. Sosa E. Skepticism and Contextualism. *Philos. Issues.* 2000. No. 10. P. 1–18.
4. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2007.
5. Sosa E. Reflective Knowledge: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford, 2009.
6. Sosa E. Knowing Full Well. Princeton, 2011.
7. Ernest Sosa on epistemology. The nature and value of knowledge [Electronic resource] URL: www.youtube.com/watch?v=PpE6boDDekU (date of access: 22.01.2016).
8. Sosa E. Judgment and Agency. Oxford, 2015.
9. Pritchard D. Knowledge. Basingstoke, 2009.
10. Pritchard D. Anti-Luck Virtue Epistemology. *J. Philos.* 2012. Vol. 109, No. 3. P. 247–279.
11. Pritchard D. Knowledge. Hampshire, 2016.
12. Goldberg S. Epistemic Entitlement and Luck. *Philos. Phenomenol. Res.* 2015. Vol. XCI, No. 2. P. 273–302. DOI: 10.1111/phpr.12083.
13. Pritchard D. Epistemic Luck. Oxford, 2005.
14. Greco J. The Value Problem. *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
15. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis.* 1963. Vol. 23, No. 6. P. 121–123.
16. Chisholm R. Theory of Knowledge. Englewood Cliffs, 1989.
17. Williamson T. Knowledge and its Limits. Oxford, 2000.
18. Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Oxford, 2007.
19. Greenough P., Pritchard D. Williamson on Knowledge. Oxford, 2009.
20. Williamson T. Knowledge first epistemology. *The Routledge Companion to Epistemology.* N. Y. ; Abingdon, 2011.
21. Williamson T. Knowledge First. *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 1–10.
22. Williamson T. Knowledge Still First. *Contemporary Debates in Epistemology.* Oxford ; Chichester, 2014. P. 22–24.

23. Williamson T. A Note on Gettier Cases in Epistemic Logic. *Philos. Stud.* 2015. Vol. 172. P. 129–140. DOI: 10.1007/s11098-014-0357-1.
24. Williamson T. *Acting on Knowledge. Knowledge-First.* Oxford, 2015.
25. Williamson T., Horwich P. The plausibility of Wittgenstein's metaphilosophy [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/watch?v=IpOmFTRcwUM (date of access: 22.01.2016).
26. Benoist J. *Concepts.* Paris, 2010 (in French.).
27. Benoist J. *Eléments de philosophie réaliste.* Paris, 2011 (in French.).
28. Benoist J. *Le bruit du sensible.* Cerf, 2013 (in French.).
29. Pris' I. E. O novom filozofskom metode i novoi realističeskoj filozofii Zhoslina Benuasta. *Filosofskie i sotsial'nye nauki.* 2014. No. 1. P. 32–36 (in Russ.).
30. Goldman A. Discrimination and Perceptual Knowledge. *J. Philos.* 1976. Vol. 73, No. 20. P. 771–791.
31. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Luck. *Noûs.* No. 49 (3). P. 440–453. Forthcoming.
32. Pritchard D., Carter J. Adam. Knowledge-How and Epistemic Value. *Australas. J. Philos.* Forthcoming.
33. Pritchard D., Turri J. The Value of Knowledge. *Stanford Encyclopaedia Philos.* 2014 [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/> (date of access: 22.01.2016).
34. Burge T. Perceptual Entitlement. *Philos. Phenomenol. Res.* 2003. Vol. LXVII, No. 3. P. 503–548.
35. Casullo A. What is Entitlement? *Acta Anal.* 2007. Vol. 22, No. 4. P. 267–279. DOI: 10.1007/s12136-007-0012-y.

Статья поступила в редколлегию: 14.02.2016.
Received by editorial board: 14.02.2016.